

О. Г. УСЕНКО

к. и. н., доцент кафедры отечественной истории ТвГУ

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В РОССИИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА: ТЕРМИНОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Анализ отечественной научной литературы, посвящённой социальному протесту в России до начала XX в., показывает, что до сих пор нет общепринятой классификации его форм, которая была бы пригодна для конкретно-исторических исследований, – классификации, основанной не на умозрительной схеме, а на учёте общего и особенного в реальных проявлениях социального протеста. Это обстоятельство во многом обусловлено тем, что среди историков нет единодушия в понимании ключевых терминов – таких, как «социальный протест», «народное выступление (движение)», «восстание», «бунт», «мятеж», «участник выступления (движения)», «движущие силы» и «социальная база выступления (движения)».

Основной массив литературы по интересующей нас проблеме был создан историками в 20-х – 80-х гг. XX в. Однако в советской историографии термин «социальный протест» применялся нечасто – его заменяла «классовая борьба». Разновидностью последней в эпоху феодализма представлялась «антифеодалная борьба».

Такая терминология полностью соответствовала так называемой «марксистско-ленинской методологии исторической науки», одним из элементов которой был классовый подход, основанный на постулате из «Манифеста Коммунистической партии», что «история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»¹. Свою роль сыграла и советская идеология с её абсолютизацией насилия как средства решения общественных проблем и конфликтов.

После распада СССР всё активнее стал употребляться термин «социальный протест» – сначала он был синонимом «классовой борьбы»², но потом вытеснил последний термин. Это было обусловлено не столько крахом советской системы и влиянием западной историографии, сколько тем, что российские историки постепенно поняли: употребление термина «классовая борьба» существенно ограничивает эвристические возможности исследователя.

С одной стороны, слово «борьба» подталкивает к тому, чтобы рассматривать как нечто второстепенное или вообще оставить за рамками исследования такие проявления народного

[с. 60]

недовольства, как, например, побег, самоубийство, челобитье, донос, антиправительственные слухи и толки, религиозное инакомыслие, создание и распространение сатирических произведений. Ведь всё это трудно назвать «борьбой», ибо данное слово подразумевает непосредственный контакт с противником (физическим лицом, группой, учреждением, стихией) и стремление подчинить его, нейтрализовать или уничтожить. Многие авторы не замечают этого противоречия³, но ближе к истине, думается, те исследователи, которые в указанных проявлениях народного недовольства усматривают не столько «борьбу», сколько уход от неё (правда, можно спорить с тем, что к последнему варианту прилагается термин «социальный протест»)⁴.

С другой стороны, некорректность характеризуемого термина обусловлена эпитетом

«классовая».

Во-первых, такой эпитет подразумевает, что человек не мог выступить против социального зла по сугубо личным причинам, что у всех проявлений народного недовольства были мотивы не просто «над-индивидуальные», но даже «над-групповые», «над-общинные» и «над-сословные». Однако источники заставляют сомневаться в этом. Кроме того, российская и всеобщая история знает много нелегитимных выступлений, в которых совместно участвовали представители разных классов, разных сословий или же выходцы из «низов» и «верхов» общества.

Во-вторых, «общественный класс» можно считать синонимом «страты», «социального слоя», «сословия», а можно трактовать иначе – противопоставляя «сословию». В том и другом случае исследователь будет по-разному проводить границу между конфликтующими сторонами, по-разному характеризовать их цели и представления.

В советской историографии главным было определение классов, которое дал В. И. Ленин в работе «Великий почин» (1919 г.)⁵. Хотя эта дефиниция, если применять её логически строго и непредвзято, позволяет с «классом» отождествить чуть ли не любую страту (и сословие!)⁶, тем не менее советские историки разводили понятия «класс» и «сословие». В то же время они утверждали, что феодальное общество не знало классов – как явных, представленных в массовом сознании феноменов. Деление на классы стало первичным и наглядным только в условиях буржуазного общества. При феодализме же значимым и привычным для людей было их деление по формально-правовому статусу. В связи с этим в научный обиход вошёл термин «классы–сословия»⁷. При этом отмечалось, что юридические

[с. 61]

перегородки мешали формированию классов и особых – «классовых» – представлений⁸.

Некорректным выглядит и широкое толкование термина «антифеодальная борьба». Ещё в 1968 г. Н. И. Павленко писал о том, что нельзя называть крестьянские выступления – даже восстания – *антифеодальной* борьбой, поскольку таковая подразумевает стремление к ликвидации феодальной системы целиком. На самом же деле крестьяне выступали против отдельных лиц и социальных норм; их борьба «велась в рамках феодализма за более благоприятные условия для воспроизводства крестьянского хозяйства»⁹.

Тем не менее многие исследователи полагают, что вполне допустимо говорить об «антифеодальной борьбе народных масс» – нужно только понимать, что ею и были выступления против конкретных феодалов и чиновников, направленные на корректировку, но не на слом общественного строя¹⁰. В принципе, такой подход не вызывает возражений, если только указанным термином не обозначаются деяния, суть которых противоречит подлинному смыслу слова «борьба».

Итак, наиболее корректным из обобщающих терминов представляется «социальный протест». Под ним логично разумеать все проявления человеческой жизнедеятельности, обусловленные существующей системой эксплуатации и угнетения и в то же время направленные на её изменение или слом. С точки зрения психологии в основе социального протеста лежит стремление к справедливости. Это значит, что протестующие следуют или, по крайней мере, стараются следовать морали – той морали, которая господствует в «родной» для них социальной страте. Поэтому далеко не всякое преступное (с позиции официальной законности) деяние является выражением социального протеста.

Стоит обратить внимание на то, что понятия «угнетение (гнёт)» и «эксплуатация» не тождественны. **Эксплуатация** – чисто экономическая категория: это регулярное изъятие прибавочного продукта (частично или целиком) у непосредственных производителей¹¹.

Угнетение же – понятие социально-психологическое, а именно принуждение человека к чему-либо вопреки его воле и/или ограничение свободы его жизнедеятельности, вызывающее

у него какие-либо негативные эмоции. «Усиление гнёта» могло происходить и при неизменности характера и уровня эксплуатации. Всё дело в том, как и чем эксплуатация оправдывалась, насколько она выглядела нормальной или терпимой для тех, кто был её объектом¹².

[с. 62]

Далее, нужно помнить, что социальный протест – удел не только «низов», но и «верхов», не только «народа», но и «элиты»¹³. Кроме того, не надо забывать, что понятие «народ» – исторически изменчиво¹⁴ и что историки нередко спорят по поводу того, какие страты можно причислить к «народу», а какие – нет¹⁵.

К «народу (народным массам, трудовому населению, трудящимся, низам)» в России до начала XX в. относились, очевидно, следующие страты: 1) податное население – крестьяне, посадские люди (кроме купцов – членов «сотен» и «гильдий»), а с XVIII в. – также однодворцы и «работные люди»; 2) казаки и стрельцы (за исключением командиров среднего и высшего звена и феодальных собственников); 3) рядовые солдаты и унтер-офицеры; 4) приходское духовенство и рядовое монашество (не выше игумена); 5) мелкие чиновники недворянского происхождения.

«Народу» противостоят лица благородного происхождения (бояре и дворяне), «неблагородные» владельцы поместий и вотчин, заводчики и привилегированные купцы, иерархи и настоятели монастырей, чиновники среднего и высшего звена (т. е. обладающие правом решать судьбы людей лично), а также средний и высший командный состав вооружённых сил.

Остановимся теперь на термине «народное движение (выступление)».

«Движение» в узком смысле – синоним «выступления»: это относительно недолгая и достаточно чётко локализуемая деятельность людей с общими целями общественно-политического характера (в том числе религиозного) и сходными способами достижения этих целей.

«Движение» в широком смысле – это совокупность «выступлений» под сходными лозунгами, растянутая во времени и в пространстве. В этом случае движение может быть и явным для его участников – если они знают или подозревают о том, что у них есть единомышленники в других местах (пример: движение «раскола»), и скрытым для них – если какой-то ряд выступлений предстаёт как нечто цельное лишь в сознании исследователя (пример: «движение помещичьих крестьян центральных губерний в России 1800–1860 гг.»).

Народными, очевидно, следует считать лишь те выступления социального протеста, среди участников которых преобладали или были исключительно выходцы из «народа».

Но кого считать «участниками выступления»? Вопрос далеко не праздный.

[с. 63]

Во-первых, для одних авторов данный термин – синоним «движущих сил выступления»¹⁶, а для других он маркирует понятие, которое включает в себя «движущие силы», но не ограничивается ими¹⁷.

Во-вторых, наряду с «участниками народных движений» в литературе фигурируют «сочувствующие» им, но при этом не указываются критерии различения тех и других¹⁸.

В-третьих, некоторые советские историки отделяли «участников» народных выступлений от их «попутчиков» и «временных союзников». Двумя последними терминами обозначались представители «элиты», действовавшие совместно с бунтарями-«трудящимися»¹⁹, а также те

выходцы из «народа», которые, побыв среди повстанцев, покидали их ряды или же выдвигали умеренные лозунги²⁰.

Наконец, имеет хождение термин «социальная база (основа, опора) движения» (как правило, он прилагается к массовым выступлениям протеста), при этом авторы, которые употребляют его, не разъясняют, как он соотносится с терминами, указанными выше²¹.

В принципе, термин «временные союзники повстанцев» имел бы право на существование, если бы те авторы, которые используют его, давали чёткий ответ на вопрос: как долго и как именно человек должен выражать свой протест, чтобы стать «участником» выступления? Но такого ответа почему-то никто не дал.

Употребляя термин «попутчики восставших», историк намекает на изначальную заданность, «запрограммированность» изучаемого выступления социального протеста, ход которого будто бы не зависел от количества и состава тех лиц, которые шли под его лозунгами. Между тем наличие среди повстанцев представителей «верхов», как правило, серьёзно сказывалось на развитии движения – например, вело к тому, что корректировались и/или дополнялись лозунги, менялись приоритеты протестующих, перестраивалась их организация, пополнялись или, наоборот, сокращались их ряды, происходил раскол в движении²².

Таким образом, имеет смысл говорить лишь об «участниках», но, если нужно, различать среди них «постоянных» и «временных», «убеждённых» и «колеблющихся», «стойких» и «перебежчиков»²³.

Вообще же «участником движения социального протеста» следует считать всякого, кто открыто, не таясь от окружающих, выражает своё недовольство существующими порядками и поддерживает лозунги данного движения – словом и/или делом, а

[с. 64]

также вместе с ему подобными видит себя членом единого сообщества, пусть даже оно иллюзорно.

При этом возможны и равноправны три варианта: 1) индивид входит в состав главного повстанческого войска (таковым будет отряд под непосредственным командованием официального лидера движения), 2) он ведёт боевые действия в составе относительно автономного отряда при формальном подчинении повстанческому руководству и/или поддержании с ним регулярной связи, 3) он действует в условиях полной независимости от повстанческих лидеров и отсутствия любых контактов с ними, но осознаёт свои действия и планы как составную часть возглавляемого ими движения.

«Сочувствующий повстанцам» – это тот, кто открыто не поддерживает лозунги движения, не является и не считает себя членом повстанческой организации, но оказывает участникам выступления услуги и/или материально-финансовую поддержку.

К «движущим силам выступления» логично относить категории населения (страты), из которых вышли большинство **участников** данного выступления.

Что же касается «социальной базы выступления», то она включает в себя «движущие силы», а также те страты, из которых вышли большинство **сочувствующих**.

Если обобщить и подкорректировать наиболее популярные в литературе критерии анализа конкретных проявлений народного недовольства²⁴, то получится следующая классификация форм социального протеста.

Все они разбиваются на три типа: 1) экономический протест, 2) политический, 3) идеологический. В свою очередь, каждый из этих типов делится на виды по таким параметрам: а) протест легальный – нелегальный, б) светский – религиозный, в) активный – пассивный²⁵, г) коллективный – единичный.

При этом коллективный протест можно поделить на групповой, локальный и массовый²⁶.

Групповой протест – это выступление т. н. малой группы²⁷ (семья; община; первичная производственная ячейка типа артели или бригады; казачья станица; небольшой отряд или воинское подразделение типа взвода, роты и батальона).

Минимальный масштаб **локального** протеста – это несколько малых групп, которые соседствуют и связаны друг с другом²⁸ (примеры: близлежащие деревни одного помещика; среднее и крупное предприятие; состоящий из нескольких частей город; гарнизон, сводный отряд или воинская часть типа полка), а максимальный – это крупная административно-

[с. 65]

территориальная единица (например, до XVIII в. – уезд и слободской полк, далее – губерния) или же целиком регион, где нет подобного деления (пример – казачьи «области»), а также отдельное войско, дивизия или соединение.

Массовым же является выступление, которое охватило как минимум несколько крупных административно-территориальных единиц или автономных регионов и в котором участвуют представители разных социальных страт.

Недостаток данной классификации – в её сугубой умозрительности. Она не слишком удобна для анализа реальных форм социального протеста, поскольку далеко не каждой комбинации перечисленных выше параметров можно найти соответствие среди конкретных выступлений. Так, невозможно привести примеры легального активного протеста – и светского, и религиозного характера.

В то же время приведённая классификация оказывается полезной, когда речь идёт о нелегальных акциях.

Примером нелегального религиозного группового протеста пассивного характера с идеологической подоплёкой будет самосожжение «староверов» из одного скита.

Примером нелегального религиозного локального протеста, причём не только идеологического, но и политического характера, будет «Соловецкое сидение» 1668–1676 гг. Оно началось, когда соловецкие монахи отказались принять «новопечатные» богослужебные книги и закрыли ворота монастыря, выйдя из подчинения как церковной, так и светской властей. Осада же монастыря царскими войсками заставила монахов перейти от пассивного протеста к активному.

К нелегальному светскому индивидуальному протесту экономического характера можно отнести поджог барского дома дворовым человеком. Если же вместо этого крепостной убил своего господина, то его протест, видимо, нужно считать политическим.

При этом вроде бы ясно, что оба деяния – это протест активный. Но как быть, например, с побегами? С одной стороны, беглый уклоняется от сведения счётов с угнетателями и в этом смысле действует пассивно. С другой стороны, он всё-таки действует, меняет свою опостылевшую жизнь! Что же понимать под «активным» и «пассивным» протестом?

Чаще всего «активный протест» отождествляют с «насильственным», а «пассивный», соответственно, – с «ненасильственным». Однако некоторые авторы придерживаются иного мнения, считая «активными» любые проявления народного

[с. 66]

недовольства, связанные с нарушением официальной законности (а значит и побег, и отказ от выполнения феодальных повинностей)²⁹.

Преодолеть разногласия можно, если договориться о том, что такое «насилие», а также использовать понятие «агрессия». Эти два понятия родственны, но не совпадают.

Насилие – это осознанные и целенаправленные действия, непосредственно вызывающие у

существа-объекта негативные эмоции (страх, ужас, боль, страдание и пр.) и/или несущие угрозу его здоровью и жизни. Насилие может быть словесным и физическим, легитимным и нелегитимным.

Агрессия – это нелегитимное насилие, направленное на то, чтобы установить и/или продемонстрировать власть над существом-объектом³⁰.

Активный протест логично отождествить с проявлениями *физической* агрессии в отношении «угнетателей»³¹. Его синонимом будет выражение «социальная борьба»³², которое, в свою очередь, может заменяться терминами «борьба с угнетателями» и – если речь идёт о феодальном обществе – «антифеодальная борьба».

К этой разновидности социального протеста можно отнести скрытное нанесение ущерба господину (потрава, порубка, поджог, уничтожение документов и пр.); тайное убийство; «благородный разбой»; бунт и восстание (см. таблицу).

Соответственно пассивный – это протест, не связанный с агрессией вообще или же сопряжённый лишь с *вербальной* агрессией в отношении «угнетателей». Его синоним – «социальное (народное) сопротивление»³³.

К формам протеста без агрессии относятся: суицид; побег; религиозное инакомыслие; создание сатирических произведений о сильных мира сего, утопий и произведений о «народных мстителях»; составление фальшивых («подложных») указов и манифестов; жалоба на господина и/или чиновников – как официально оформленная («челобитная», «прошение», донос) так и неофициальная («подмётное письмо»); неподчинение господину и/или властям – тайное или же открытое, но «молчаливое».

Пассивный протест с вербальной агрессией – это слухи и толки об «изменниках» монарху и православной вере, а также прямые угрозы в адрес «угнетателей» и их защитников при непосредственном контакте с ними.

Особой – синтетической – формой пассивного протеста является «волнение» (см. таблицу). Это групповое или локальное выступление трудящихся, суть которого – в демонстративном

[с. 67]

неподчинении господину и/или носителям официальной власти и в готовности его участников осуществить физическую агрессию по отношению к противнику. Нередко всё это предварялось или сопровождалось подачей жалобы, а также прямыми угрозами в адрес «угнетателей». Довольно часто «волнения» заканчивались вооружёнными столкновениями с карательными войсками³⁴.

Последнее обстоятельство объясняет, почему некоторые исследователи не видят разницы между терминами «волнение», «бунт» и «восстание»³⁵. Однако ближе к истине, скорее всего, те авторы, которые всё же отличают «волнение» от «восстания (вооружённого выступления)»³⁶. Правда, с ними нельзя согласиться в том, что термин «бунт» не нужен или годится лишь для того, чтобы выступать синонимом «активного протеста» и быть родовым обозначением «волнения» и «восстания»³⁷.

Каждое из народных выступлений, в которых участвуют «нормальные» люди (не маргиналы) и коллективно осуществляется физическая агрессия в отношении «угнетателей» (лиц, облечённых властью) и их защитников, можно именовать возмущением (смятением).

Если же коллективная физическая агрессия направлена не «по вертикали» (против носителей власти), а «по горизонтали» (против тех или иных групп «народа»), то подобные выступления – это погромы или беспорядки.

Далее, можно говорить о двух видах народных возмущений – сообразно с тем, почему и как их участники («повстанцы») демонстрируют физическую агрессию.

Если коллективное применение физической агрессии – лишь реакция на действия

«угнетателей», первыми прибегнувшими к насилию как средству наведения порядка, то перед нами бунт. Для бунтовщиков их же собственное агрессивное поведение – нечто неожиданное, не запланированное заранее; они переходят к вооружённой борьбе в ответ на угрозы и репрессии со стороны власть имущих.

Восстание же – это коллективное выступление против «угнетателей» и их защитников, участники которого изначально готовы к физической агрессии и проявляют её первыми, по собственной инициативе. Для восстания официального военизированного формирования есть особый термин – мятеж. На этом основании термины «восставшие» и «мятежники» можно считать синонимами.

От бунтов и восстаний следует отличать «благородный разбой», хотя он тоже является одной из форм активного протеста. Речь идёт о действиях маргиналов – беглых людей (по преимуществу крестьян), которые, образовав «шайки», «ватаги»

[с. 68]

или «партии», грабили богатых и зажиточных людей, а кое-что из трофеев раздавали обычным людям из «народа». Их отряды были, как правило, немногочисленными – не более 70 человек. Но главное в том, что «благородные разбойники» никаких созидательных целей не ставили – не пытались освободить от крепостного гнёта некую территорию, не думали о том, чтобы сломать или хотя бы изменить социальные порядки и отношения, гнетущие обывателей – «нормальных» людей. В лучшем случае разбойники мстили отдельным «угнетателям», разбивали отряды, посланные против них, и становились благодаря этому героями фольклора³⁸.

Наиболее крупные движения активного протеста, имевшие место в России XVII–XVIII вв., советские историки предпочитали называть «крестьянскими войнами». Данный термин до сих пор входит в понятийный обиход отечественной исторической науки. И хотя не всем исследователям он по нраву³⁹, наиболее разумным было бы, очевидно, оставить ему право на жизнь, снабдив максимально развёрнутой и чёткой дефиницией.

Проблема в том, что одни историки считают крестьянскую войну разновидностью восстания⁴⁰ или совокупностью взаимосвязанных восстаний⁴¹; другие полагают, что крестьянская война – это вовсе не восстание, а гражданская война⁴²; третьи же видят в ней одновременно и гражданскую войну, и мощное восстание (вариант: крупное восстание в сопровождении относительно мелких)⁴³.

Наиболее близки к истине, насколько можно судить, авторы из третьей группы. Сообразно с этим отличительные черты крестьянских войн в России видятся такими:

- 1) движение зарождается на окраине государства – там, где органы надзора за порядком относительно слабы и сопротивление «элиты» наименьшее;
- 2) восставшие создают свою военную организацию, армию и ведут боевые действия против заранее намеченных врагов и карательных войск;
- 3) в движении участвуют представители различных страт при количественном доминировании крестьян-общинников и руководящей роли казаков;
- 4) среди восставших представлены различные этносы и конфессии;
- 5) лидеры повстанцев заботятся о сплочении всех участников движения, стремятся преодолеть раздробленность и локальность выступлений, образующих данное движение;
- 6) религиозные лозунги отсутствуют или не играют существенной роли;

[с. 69]

- 7) восставшие выступают за ликвидацию крепостничества и улучшение существующей

системы управления, не покушаясь, однако, на сами принципы феодального строя и социального разделения;

8) повстанцы временно контролируют обширную территорию в районах феодально-крепостнического землевладения;

9) мятежники участвуют в борьбе за верховную власть, поддерживая самозваного претендента на трон, которого искренне считают «подлинным государем»⁴⁴.

Из критериев классификации реальных форм социального протеста исключена антитеза «стихийный – менее стихийный». Дело не только в том, что термин «стихийность» понимается по-разному, но и в том, что наиболее популярное его толкование представляется неверным.

В большинстве случаев под «стихийностью» народных выступлений разумеют отсутствие у их участников «сознательности» в её марксистском понимании⁴⁵, а именно «классового самосознания» и «научной идеологии» – программы действий, соответствующей «объективным интересам трудящихся». Говоря прямо, участникам выступлений социального протеста пеняли на то, что их стремления и деяния не совпадали с теми рекомендациями, которые задним числом им давали «классики марксизма-ленинизма» и носители советской идеологии⁴⁶.

Некоторые авторы синонимом «стихийности» видят «неорганизованность»⁴⁷, а некоторые понимают под ней одновременно и «несознательность», и «неорганизованность»⁴⁸. Наконец, кое-кто полагает, что «стихийность» народных выступлений заключалась в их спонтанном, самопроизвольном возникновении⁴⁹.

Наиболее корректной выглядит последняя точка зрения. Термин «стихийность» разумно трактовать как спонтанность и при этом понимать, что речь идёт лишь о коллективном протесте. Имеется в виду способность простых, обычных людей предпринять совместные акции для выражения своего недовольства без долгой предварительной подготовки и сознательной организационной работы.

Движения социального протеста в России до начала XX в. были стихийными потому, что, во-первых, опирались на общинную организацию и «мирские» традиции, а во-вторых, готовность без долгой раскочки выступить на защиту своих интересов подкреплялась тем, что в массовом сознании трудящихся хранился некий типовой план противодействия социальному злу – план, для начала реализации которого часто хватало малейшего толчка (повода)⁵⁰.

[с. 70]

Примечания:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424.

² См.: История крестьянства России с древнейших времён до 1917 г. М., 1993. Т. 3. С. 405, 419.

³ См.: Зимин А. А., Преображенский А. А. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века) // Вопросы истории. 1957. № 12. С. 135–160; Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачёва. Л., 1961. Т. 1. С. 337, 341, 376–377; Он же. Рождение новой России. Л., 1988. С. 210–301; Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 274, 280, 287; Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 29–45, 52; Они же. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 239–269; Зимин А. А. Этапы и формы классовой борьбы в России конца XV–XVI в. // Вопросы истории. 1965. № 3. С. 40–52; Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII–XVIII вв. в России // История СССР. 1965. № 5. С. 62, 68, 72–73; Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. (по материалам патриаршего хозяйства). М., 1966. С. 217–221;

Пронштейн А. П. Об идеологии восставших во время крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы науки. Ростов н/Д., 1967. С. 65–66; *Кадсон И. З.* Антицерковная борьба народных масс в России в трудах советских историков // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 154–155; *Домановский Л. В.* Народное потаённое творчество // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 254, 271; *Рознер И. Г.* Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 45; *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века (30-е – 40-е годы). Воронеж, 1975. С. 31; *Фёдоров В. А.* Некоторые проблемы крестьянского движения в России периода разложения крепостничества // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 95, 103–104; *Он же.* Крестьянское движение в Центральной России: 1800–1860 (По материалам центрально-промышленных губерний). М., 1980. С. 3–4, 8–10, 17, 40–41; История Дона с древнейших времён до падения крепостного права. Ростов н/Д., 1973. С. 124; *Пушкаренко А. А.* Крестьянские челобитные как источник для изучения классовой борьбы российского крестьянства в феодальную эпоху // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинёв, 1978. С. 171–173; *Горская Н. А.* Тенденции классовой борьбы крестьян в конце XVII в. (на материалах Железнодорожного

[с. 71]

монастыря) // Вопросы истории. 1981. № 9. С. 31–40; *Горланов Л. Р.* Крестьянское движение в удельной деревне Центрального промышленного района в 1797–1863 годы // Крестьянство Центрального промышленного района: история, историография, источники. Калинин, 1982. С. 7–20; *Пучков Е. Б., Сараева Е. Л.* Крестьянское движение в Ярославской губернии в конце XVIII века // Там же. С. 25–28; *Сараева Е. Л.* Формы борьбы крестьян Ярославской губернии в первой четверти XIX века // Там же. С. 28–41; *Козлова Н. В.* Побег крестьян в России в первой трети XVIII века. М., 1983. С. 3, 6–21; *Крутиков В. И.* Правосознание крестьян и его отражение в крестьянском движении // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 180–183; История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. С. 465; М., 1986. Т. 3. С. 441–447; *Буганов В. И.* Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986; История крестьянства СССР с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1990. Т. 2. С. 44–51, 144–155, 422–443; История крестьянства России... С. 193–212, 404–429.

⁴ См.: *Кадсон И. З.* Указ. соч. С. 152; *Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Классовая борьба крестьянства... С. 28–29; *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1985. С. 119–187, 270–318; *Дмитриев А. Д.* Инквизиция в России. М., 1937. С. 22–26, 45–77; Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII век. М., 1955. С. 318–319; Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 279; *Самсонов А. М.* Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М., 1955. С. 77–81; 113–118; *Гусев В. Е.* Протопоп Аввакум Петров – выдающийся русский писатель XVII века // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 6, 12–16; *Клибанов А. И.* К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII вв. // История СССР. 1963. № 6. С. 91–103; *Он же.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 85–95; *Пушкаренко А. А.* Приазовский край в конце XVII – начале XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1966. С. 19–20; История СССР: Первая серия. М., 1967. Т. 3. С. 105–108; *Шульгин В. С.* Проблемы истории русской церкви до XVIII века // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 156–157; *Он же.* «Капитоновщина» и её место в расколе XVII в. // История СССР. 1969. № 4. С. 130, 134–139; *Карцов В. Г.* Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Калинин, 1971. Ч. 1. С. 76–160; Ч. 2.

[с. 72]

С. 3–207; *Кавтарадзе Г. А.* Крестьянский «мир» и царская власть в сознании помещичьих крестьян (конец XVIII – 1861 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972. С. 6–7; *Рогов А. И.* Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII в. // Вопросы истории. 1973. № 4. С. 38–43; *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 194–232; *Румянцева В. С.* О крестьянах-раскольниках кануна восстания С. Т. Разина // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С. 270, 285–286; *Москаленко А. Т.* Идеология и деятельность христианских сект (Классовая природа и функции эсхатологических и хилиастических учений): Автореф. дис. ... док. филос. наук. М., 1977. С. 12–13; *Мамсик Т. С.* Побег как социальное явление: Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е гг. XVIII в. Новосибирск, 1978. С. 4, 198; *Очерки русской культуры XVII века.* М., 1979. Ч. 2. С. 310–312; *Покровский Н. Н.* Правовое регулирование крестьянского общественного сознания русским абсолютистским государством // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. С. 88–89; *Гутнова Е. В.* Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI–XV вв.). М., 1984. С. 22–23; *Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. С. 3–5, 10, 15; *Сухов А. Д.* О типологии русского общественного сознания в начале нового времени // Ежегодник Философского общества СССР: 1985. М., 1986. С. 219–223; *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма.* М., 1986. Т. 2. С. 626.

⁵ «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой...» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15).

⁶ См.: *Шубкин В.* Бюрократия: Точка зрения социолога // Знамя. 1987. № 4; *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М., 1996. С. 70, 222–227, 240–244, 257.

⁷ См.: *Панеях В. М.* Научная сессия по истории крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 143; *Белявский М. Т.* Классы и сословия феодального общества в России в свете

[с. 73]

ленинского наследия // Вестник Московского ун-та: Серия 8: История. 1970. № 2; *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981. С. 30, 174–175, 187–189, 193–194.

⁸ См.: *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачёва (формирование антикрепостнической идеологии). М., 1965. С. 118; *Литвак Б. Г.* О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. С. 208; *Раскин Д. И.* Влияние различий в правовом положении на крестьянское общественное сознание // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. С. 106–109.

⁹ *Павленко Н. И.* По поводу книги М. Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачёва» // История СССР. 1968. № 3. С. 106.

¹⁰ См.: *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 44; *Очерки русской культуры XVII века.* С. 37.

¹¹ См.: *Рачинский Ю. М.* Докапиталистические способы производства и их современные формы. М., 1986. С. 96–97, 128–129.

¹² См.: *Кахк Ю. Ю., Лиги Х. М.* О связи между антифеодальными выступлениями крестьян и их положением // История СССР. 1976. № 2. С. 85–92; *Фёдоров В. А.* Некоторые проблемы крестьянского движения... С. 96–97; *Он же.* Крестьянское движение в Центральной России. С. 41–42; *Милов Л. В.* Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1981. № 3. С. 34; *Богданов А. П., Чистякова Е. В.* Некоторые проблемы изучения истории

общественно-политической мысли в России второй половины XVII века // Вопросы истории. 1986. № 4. С. 50; История крестьянства в Европе... Т. 3. С. 444.

¹³ См.: Очерки русской культуры XVII века. С. 296.

¹⁴ См.: *Коган Л. А.* Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли // Вопросы философии. 1963. № 2. С. 83–84.

¹⁵ См., например, о стрельцах: Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII век. С. 325, 328, 330–331, 334; *Павленко Н. И.* Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. (По поводу монографии В. И. Буганова «Московские восстания конца XVII в.». М., 1969) // История СССР. 1971. № 3. С. 78, 94.

¹⁶ См.: *Чаев Н. С.* Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1934. С. 64; *Лунин Б. В.* Очерки истории Подонья-Приазовья. Ростов н/Д., 1951. Кн. 2. С. 113–115; *Муратов Х. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. М., 1954. С. 160; *Самсонов А. М.* Указ. соч. С. 139; *Лебедев В. И.* Крестьянская война под

[с. 74]

предводительством Степана Разина: 1667–1671 гг. М., 1955. С. 167–171; *Мавродин В. В.* Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // *Смирнов И. И. и др.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 317–318; История Дона с древнейших времён до падения крепостного права. С. 186–192.

¹⁷ См.: *Фирсов Н. Н.* Крестьянская революция на Руси в XVII веке. М.; Л., 1927. С. 121–123; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606–1607. Л., 1951. С. 106, 495, 507–508; *Зимин А. А., Преображенский А. А.* Указ. соч. С. 144; *Смирнов И. И. и др.* Указ. соч. С. 32–35, 46–47, 54, 91, 154–155, 172–173, 179–180, 200; *Черепнин Л. В.* Об изучении крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. (К теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 12–14; *Буганов В. И.* Московское восстание 1662 г. М., 1964. С. 66–76, 82; *Он же.* Очерки истории классовой борьбы... С. 110–114, 120–123, 135–136, 139, 142–143, 165, 204; История крестьянства России... С. 204.

¹⁸ См.: *Никольский Н. М.* Указ. соч. С. 275; *Лебедев В. И.* Крестьянская война... С. 123, 169; *Клибанов А. И.* К характеристике новых явлений... С. 88; *Буганов В. И.* Очерки истории классовой борьбы... С. 116, 177; *Муратов Х. И.* Указ. соч. С. 39, 41; *Чаев Н. С.* Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды Историко-археологического ин-та. М., 1935. Т. 12: Булавинское восстание (1707–1708 гг.). С. 39; *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983. С. 225, 231; *Кондрашенков А. А.* Крестьянская война 1773–1775 гг. в Зауралье // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 195; *Алишев С. Х.* Татары Среднего Поволжья в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Там же. С. 232; *Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Там же. С. 257.

¹⁹ *Лебедев В. И.* Крестьянская война... С. 165, 171; *Он же.* К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 97; *Мавродин В. В.* Советская историческая наука... С. 301; *Он же.* По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 37; *Шапиро А. Л.* Об исторической роли крестьянских войн XVII–XVIII вв. в России // История СССР. 1965. № 5. С. 64; *Пронштейн А. П., Пушкаренко А. А.* Крестьянская война в России в

[с. 75]

1773–1775 гг.: итоги и перспективы исследования // Вопросы истории. 1971. № 8. С. 75–76;

Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн... С. 12; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 125.

²⁰ См.: *Чаяв Н. С.* Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1934. С. 64, 71–72, 94, 110, 132; *Лебедев В. И.* К вопросу о характере... С. 97; *Он же.* Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 133–135, 148–149; *Проништейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 261–263; *Буганов В. И., Лебедев В. И.* Новое исследование о Булавинском восстании // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 126; *Буганов В. И.* Очерки истории классовой борьбы... С. 204.

²¹ См.: *Фирсов Н. Н.* Указ. соч. С. 53; *Никольский Н. М.* Указ. соч. С. 86, 89, 177, 282, 293, 302, 305; *Муратов Х. И.* Указ. соч. С. 13, 151–152; *Смирнов И. И. и др.* Указ. соч. С. 135; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 275; *Карцов В. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 104, 135.

²² См.: *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. С. 289, 312–313; *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 85, 122–123, 128, 131–139, 157; *Степанов И. В.* Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. Л., 1966. Т. 1. С. 11; Л., 1971. Т. 2, ч. 1. С. 137–138; *Проништейн А. П., Мининков Н. А.* Указ. соч. С. 253–258, 264–272, 331–336, 347; *Фёдоров В. А.* Некоторые проблемы крестьянского движения... С. 101.

²³ См., например: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 508–509; *Алишев С. Х.* Указ. соч. С. 235–236; *История крестьянства России...* С. 198–199, 410.

²⁴ См.: *Назаров В. Д.* О некоторых вопросах ленинской теории классовой борьбы русского крестьянства в эпоху позднего феодализма // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 332, 355; *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия... С. 83–84; *Фёдоров В. А.* Некоторые проблемы крестьянского движения... С. 95–96; *Он же.* Крестьянское движение в Центральной России. С. 40–41; *Сараева Е. Л.* Указ. соч. С. 29; *Гутнова Е. В.* Указ. соч. С. 22–23; *История крестьянства в Европе...* Т. 1. С. 465; Т. 3. С. 440–443.

²⁵ С разделением протеста на «активный» и «пассивный» согласны не все исследователи. См.: *Фёдоров В. А.* Некоторые проблемы крестьянского движения... С. 95; *Он же.* Крестьянское движение в Центральной России. С. 40.

²⁶ См.: *Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Лозунги и требования участников... С. 256; *Сараева Е. Л.* Указ. соч. С. 31–32.

[с. 76]

²⁷ Группа – это три человека и более, связанные системой отношений, институтами, общими ценностями, интересами, нормами поведения. «Малой» называется группа, между членами которой преобладают прямые, непосредственные связи (в «большой», напротив, преобладают опосредованные, косвенные связи). См.: *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967. С. 127–128; *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 637–638.

²⁸ См.: *Философский энциклопедический словарь.* С. 638.

²⁹ *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. С. 274; *Кадсон И.З.* Указ. соч. С. 155.

³⁰ См.: *Тишков В. А.* Теория и практика насилия // *Антропология насилия.* СПб., 2001. С. 12–17.

³¹ См.: *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. С. 279 (восстание – это «применение коллективного насилия для уничтожения существующих условий эксплуатации»).

³² Об этом термине см.: *История крестьянства в Европе...* Т. 1. С. 465.

³³ Об этом термине см.: *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. С. 274–289; *Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Классовая борьба крестьянства... С. 28–29; *Литвак Б. Г.* Указ. соч. С. 203; *История крестьянства в Европе...* Т. 1. С. 465; Т. 3. С. 441; *История крестьянства СССР...* С. 422; *Мухин В. В.* Бегство как форма социального сопротивления горнозаводского населения Урала в первой половине XIX века (По материалам вотчины Всеволожских) // На западном Урале. Пермь, 1969. Вып. 5.

³⁴ См.: *Горская Н. А.* Указ. соч. С. 31–40; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 236–269; *Фёдоров В. А.* Крестьянское движение в Центральной России. С. 51–120; *Сараева Е. Л.* Указ. соч. С. 38.

³⁵ См.: *Пичета В. И.* История крестьянских волнений в России. Минск, 1923. С. 51–56; *Фирсов Н. Н.* Указ. соч. С. 33–115; *Лебедев В. И.* Крестьянское движение в метрополии в годы Булавинского

восстания // Труды Историко-археографического ин-та... С. 60–67; *Самсонов А. М.* Указ. соч. С. 137–139; *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России... С. 375–392; *Он же.* Рождение новой России. С. 236–302; *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. С. 274, 279, 289–292; *Смирнов И. И. и др.* Указ. соч. С. 15–20, 198, 210–212; *Кавтарадзе Г. А.* Указ. соч. С. 7; *Горланов Л. Р.* Указ. соч. С. 7–20; История крестьянства России... С. 202–212; *Буганов В. И.* Очерки истории классовой борьбы... С. 4, 17, 24, 36–37 и сл.

[с. 77]

³⁶ *Игнатович И. И.* Крестьянские волнения // Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 42; *Фёдоров В. А.* Некоторые проблемы крестьянского движения... С. 96, прим. 4; *Он же.* Крестьянское движение в Центральной России. С. 40, прим; История крестьянства в Европе... Т. 3. С. 441; *Сараева Е. Л.* Указ. соч. С. 29–32; История крестьянства России... С. 406, 419.

³⁷ См.: *Мавродин В. В.* Советская историческая литература о крестьянских войнах в России // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 41; *Соловьёв В. М.* Анатомия русского бунта: Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994; *Канищев В. В.* Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Тамбов, 1995; *Мауль В. Я.* Харизма и бунт: Психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск, 2003. С. 39–43.

³⁸ См.: *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 227–236; *Домановский Л. В.* Указ. соч. С. 255–265; *Мордовцев Д. Л.* Самозванцы и понизовая вольница // *Он же.* Собр. соч. СПб., 1901. Т. 18. С. 163–212; *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970. С. 143–187.

³⁹ См.: *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. С. 292; *Соловьёв В. М.* Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3. С. 134.

⁴⁰ *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии... С. 163–165.

⁴¹ *Степанов И. В.* Крестьянская война в России... Т. 1. С. 3; *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Указ. соч. С. 255.

⁴² *Милов Л. В.* Указ. соч. С. 40–41.

⁴³ *Лебедев В. И.* К вопросу о характере... С. 92; *Мавродин В. В.* Советская историческая наука... С. 301–310; *Он же.* По поводу характера... С. 36–37; *Пронштейн А. П., Пушкаренко А. А.* Указ. соч. С. 79; *Пронштейн А. П.* Решённые и нерешённые вопросы истории крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 154; *Буганов В. И.* Очерки истории классовой борьбы... С. 165, 237; История крестьянства России... С. 195–201; *Черепнин Л. В.* Об изучении крестьянских войн... С. 10; *Смирнов И. И.* Крестьянские войны и их место в истории России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 31.

⁴⁴ См.: *Усенко О. Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 74–78.

⁴⁵ См.: *Радаев В. В., Шкартан О. И.* Указ. соч. С. 71–72.

⁴⁶ *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 28, 506, 512; *Лебедев В. И.* К вопросу о характере... С. 93; *Он же.* Крестьянская война... С. 178; *Мавродин В. В.* Советская историческая литература о крестьянских войнах в России. С. 46; *Он же.* Советская историческая

[с. 78]

наука... С. 319–321; *Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Классовая борьба крестьянства... С. 29; *Кадсон И. З.* Указ. соч. С. 152–155; *Кахк Ю. Ю., Лиги Х. М.* Указ. соч. С. 91; *Черепнин Л. В.* Вопросы методологии... С. 164, 258; *Литвак Б. Г.* Указ. соч. С. 202, 205, 210; *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. С. 310–314; *Он же.* Социальная психология и история. М., 1966. С. 23; *Пронштейн А. П.* Решённые и нерешённые вопросы... С. 154–155; *Рахматуллин М. А.* Проблема общественного сознания крестьянства в трудах Ленина // Актуальные

проблемы истории России эпохи феодализма. С. 415, 417, 429, 433, 440–441; *Он же*. К вопросу об уровне общественного сознания крестьянства в России // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972. С. 158–161, 169.

⁴⁷ *Симонов С.* Пугачёвщина. Харьков, 1931. С. 140–151; *Буганов В. И., Чистякова Е. В.* О некоторых вопросах истории второй крестьянской войны в России // Вопросы истории. 1968. № 7. С. 37;

Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Лозунги и требования участников... С. 248–249.

⁴⁸ *Смирнов И. И. и др.* Указ. соч. С. 174; *Муратов Х. И.* Указ. соч. С. 163, 165, 175, 191–192; *Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 332; *Фёдоров В. А.* К вопросу об идеологии крепостного крестьянства // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. С. 140; *Он же*. Крестьянское движение в Центральной России. С. 160–161; *Курмачёва М. Д.* Об участии крепостной интеллигенции в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С. 309, 325.

⁴⁹ *Милов Л. В.* Указ. соч. С. 51; *Янель З. К.* Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР. 1982. № 5. С. 89–90; *Соловьёв В. М.* Современники и потомки о восстании С. Т. Разина. М., 1991. С. 103–105.

⁵⁰ См.: *Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Лозунги и требования участников... С. 243, 254–255, 258–259, 267; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. С. 236–269; *Фёдоров В. А.* Некоторые проблемы крестьянского движения... С. 97–99; *Он же*. Крестьянское движение в Центральной России. С. 42–43, 50–148; *Литвак Б. Г.* Указ. соч. С. 206–212; *Усенко О. Г.* Указ. соч. Тверь, 1994. Ч. 1. С. 56–58, 61–65; Тверь, 1995. Ч. 2. С. 4–30, 34–36, 47–48.

[с. 79]

таблица

«Классификация реальных форм социального протеста в России до начала XX в.»

[см. отдельный файл]

[с. 80]
